

но в живом переживании они тесно переплетаются между собой и сливаются друг с другом. В словесном произведении каждое слово имеет в виду оба момента, несет двойную функцию: направляет вживание и дает ему завершение, но может преобладать тот или другой момент. Нашей ближайшей задачей является рассмотрение тех пластически-живописных, пространственных ценностей, которые трансгредивны сознанию героя и его миру, его познавательно-этической установке в мире и завершают его извне, из сознания другого о нем, автора-созерцателя. Это различие в переживании себя и в переживании другого преодолевается познанием, или, точнее, познание игнорирует это различие, как оно игнорирует и единственность познающего субъекта

Комментарии академического психолога.

Бахтин предложил механизм познания содержания страдания, который имеет два этапа: этап вживания, когда автор, став на место переживающего увидеть и узнать то, что он переживает; затем выйти к себе, чтобы материал вживания был осмыслен, когда страдание имеет теперь уже не информационную, а новую, завершающую функцию.

Янчук В.А.

ГУО «Академия последипломного образования», Республика Беларусь, г. Минск

Доктор психологических наук, профессор,

заслуженный работник образования Республики Беларусь

yanchuk@academy.edu.by

УДК 159.9

СОЦИОКУЛЬТУРНО-КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ИНТЕРДЕТЕРМИНАНТА ДИАЛОГИЗМА М. БАХТИНА

Анализируются социокультурно-контекстуальные основания диалогизма М. Бахтина. Обосновывается, что понимание психологической феноменологии, в целом, и феноменологии творчества М. Бахтина, в частности, предполагает выявление лежащих в их фундаменте интердетерминант, взаимодействие которых приводит к возникновению нового качества, не представленного в простой сумме составляющих целой частей. Внимание фокусируется на конкретных средовых (или ситуативных) контекстах (условиях) с учетом индивидуально-психологических особенностей личности, совершающей определенные активности в конкретных условиях (хронотопах), сочетание которых обеспечивает обретение качественного состояния сбалансированности во взаимодействии с внешним и внутренним миром. В качестве механизма достижения сбалансированности определяется диалог. Артикулируются характеристики социокультурного контекста, способствующие творческим озарениям или инсайтам.

Ключевые слова: диалогизм; интердетерминанта; психологическая феноменология; социокультурно-диалогическая интердетерминистская метатеория; социокультурный контекст; хронотоп.

THE SOCIOCULTURAL-CONTEXTUAL INTERDETERMINANT OF M. BAKHTIN DIALOGISM

The sociocultural and contextual foundations of M. Bakhtin's dialogism are analyzed. It is substantiated that the understanding of psychological phenomenology, in general, and the phenomenology of M. Bakhtin's work, in particular, presupposes the identification of interdeterrminants lying in their foundation, the interaction of which leads to the emergence of a new quality that is not represented in the simple sum of the constituent parts of the whole. Attention is focused on specific environmental (or situational) contexts (conditions), taking into account the individual psychological characteristics of a person who performs certain activities in specific conditions (chronotopes), the combination of which ensures the acquisition of

a qualitative state of balance in interaction with the external and internal world. Dialogue is defined as a mechanism for achieving balance. The characteristics of the socio-cultural context that contribute to creative insights or insights are articulated.

Key words: chronotop, dialogism; interdeterminant; psychological phenomenology; sociocultural context; sociocultural-dialogic interdeterminist metatheory.

Введение. Юбилей М. Бахтина является культурным событием мирового масштаба. В истории человечества не так много фигур, опередивших время, и оставивших наследие, ценность и инновационный потенциал которого не только не потеряло свою значимость, но и приобрело новое понимание. Традиционно в качестве основополагающей предпосылки творческих достижений исследователя определяются его личностные качества, совокупность которых, по идее, и определяет результат. При этом, на мой взгляд, совершенно не заслуженно из фокуса внимания уходит социокультурно-контекстуальное основание – условия осуществления активности, привязанные к конкретным пространственно-временным координатам или, в терминологии М. Бахтина, хронотопы, либо способствующие, либо препятствующие актуализации творческого потенциала автора. Примечательно, что такого рода хронотоп имел место на Витебщине, на земле которой были материализованы наиболее известные тексты творческого наследия, в том числе, на страницах журнала с символическим названием «Хронотоп».

Материал и методы. В качестве методологического основания исследования выступают положения авторской социокультурно-интердетерминистской метатеории интеграции психологического знания [1–4]. Методом исследования является психоисторическая реконструкция социокультурного контекста.

Результаты и их обсуждение. Роль и значение социокультурного контекста в анализе творчества исследователя ранее были артикулированы мною по отношению к творчеству Л.С. Выготского, опять-таки, на земле Витебщины в рамках посвященной его юбилею конференции. В частности, отмечалось наличие самой возможности приобщения к мировому культурному наследию через книги крупнейших исследователей того времени, имевшихся в библиотеках и наличие социальной среды, поддерживающей стремление к самообразованию и саморазвитию [5, стр. 22–23]. Безусловно, при отсутствии этих предпосылок вероятность самоактуализации талантов Л.С. Выготского была бы маловероятна. Точно также нельзя не учитывать и соответствующего техногенно-информационного контекста того времени, представленного рукописно-печатными текстами, определяющими особое их понимание и рефлексю. Следует иметь в виду, что сегодняшнее время существенно отличается от времени творения М. Бахтина именно отличиями в усложнении реальностей, в которых осуществляются акты творения, за счет дополнения их радикально изменившейся техногенной реальностью и ее дополнения киберреальностью с ее безграничными информационными ресурсами и отрывом знака от референта с последующей его трансформацией в симулякру (Ж. Бодрийяр). Нельзя не учитывать и изменения, происшедшие и в природной и социальной реальностях.

Человек (и его психология) не являются обособленной системой. Он функционирует в условиях конкретного природного, техногенного, а теперь уже и киберокружении, образующих особые типы реальности не учитывать влияние которых на его психологическую феноменологию по крайней мере не дальновидно. Игнорирование телесной субстанции в ее взаимодействии с социальным окружением при помощи уникальной способности психического к переводу внешнего во внутреннее и наоборот является нонсенсом, впрочем, весьма распространенным в современном психологическом знании. Точно также как нонсенсом является и не принятие в расчет разнокачественности человеческих природ (биологическое-психическое-символическое), комплексное

взаимодействие которых и результирует поведение. Причем это взаимодействие обладает взаимовлияющим и взаимообуславливающим характером приводя к формированию нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей или элементов. Именно эта особенность и обозначается понятием интердетерминации. Человек (как и высокоразвитые животные) не просто приспосабливается к условиям окружения, реагируя на внешние стимулы, но и приспосабливает его к своим возможностям, находя своеобразный компромисс адаптационного свойства или состояние внутренне-внешней сбалансированности. Причем это состояние баланса не является статичным, а изменяющимся в соответствии с изменениями, происходящими как в нем самом, так и в социальном, природном, а теперь уже и в техногенном и киберокружении.

Это обусловленное процессом взаимовлияния и взаимоприспособления, направленного на достижения состояния сбалансированности взаимодействия с внешним и внутренним миром было обозначено нами понятием *интердетерминации*, а ее составляющие или вовлеченные процессы – *интердетерминантами*. Отношение интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера, приводящего к качественным изменениям составляющих интердетерминант. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем, происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения (или сужения), переосмысления и перепереживания обретенного опыта. В данном случае речь идет о динамическом аспекте психологической феноменологии особенно в рамках психологии развития начинает осознаваться продуктивность подхода динамических систем к анализу временной трансформации в функционировании психического [6–7].

Человек обладает способностью влияния на происходящее, но должен осознавать и то, что, в свою очередь, происходящее оказывает самое непосредственное влияние на него самого, что пассивное бездействие приводит к усилению эффекта внешнего влияния, а активность, не обремененная приобщенностью к культурному наследию, обрекает его на деградацию и возрастание зависимости от обстоятельств. Сегодня уже накоплен обширный фактический материал, свидетельствующий о том, что технотехнологизация познавательной активности начинает отрицательно сказываться на ее продуктивности. В частности, появление калькулятора начало отрицательно сказываться на функциональной активности мозга, а появление поисковых систем – превалированию поисковой активности над творческой, выражающейся в так называемом поколении *sour-cut* (нашел – вставил).

Психологическая феноменология не является статичной. Она меняется в пространстве и во времени. Причем зачастую эти изменения носят асинхронный характер приводя к состояниям разбалансированности с внешним и внутренним миром как на уровне разнокачественных природ, так и сфер психического. И все это имеет место в изменяющемся природном, техногенном, социальном и киберокружении, в индивидуально-психологической и активностной динамике. В этом процессе имеют место своеобразные точки бифуркации, определяющие переход из одного качественного состояния в другое. Причем эти динамические процессы носят именно нелинейный, ступенчатый характер. Найденное состояние баланса функционирования обладает достаточным потенциалом инерции за счет имеющихся в распоряжении человека природных и психологических ресурсов. В своеобразной роли гравитационной интердетерминанты выступает культурный контекст. Визуализация пространства интердетерминант поведения представлена на рисунке 1.

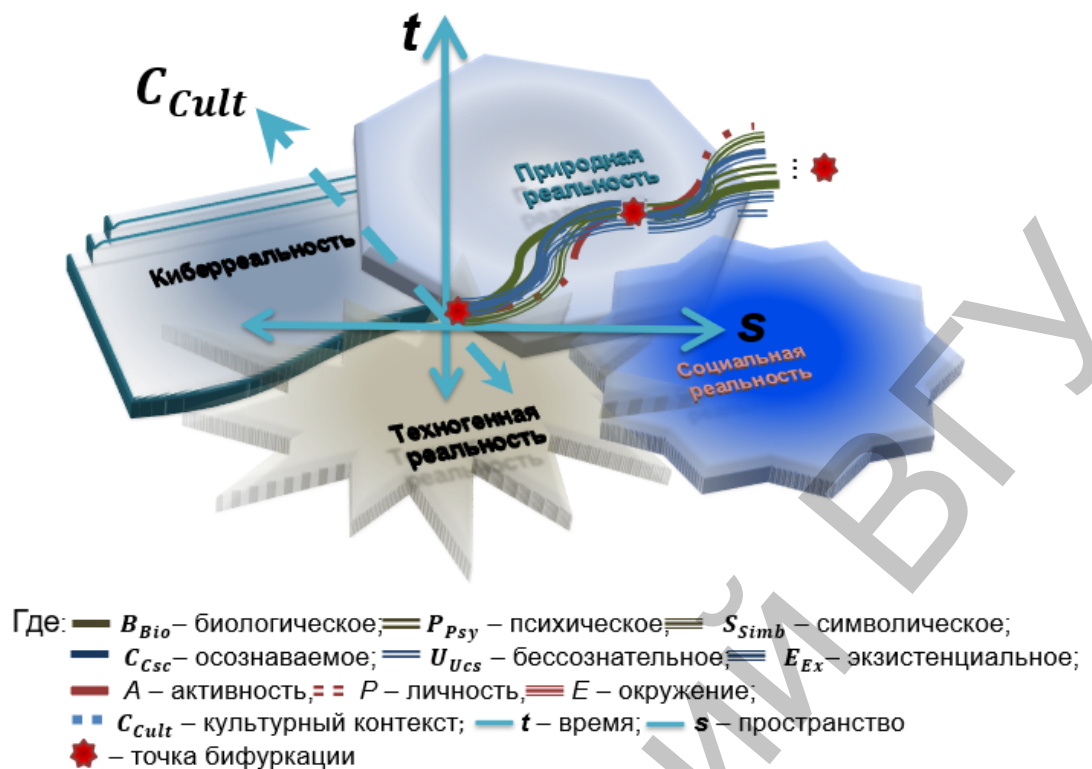

Рисунок 1 – Интердетерминанты поведения личности

И здесь следует еще раз обратить внимание на роль культуры в функционировании человека в природном, техногенном, кибер- и социальном окружении. В последнее время ее роль начала теряться в многоголосом и многообещающем генно-нейро-цифротехно-технологическом контексте, сулящем «освобождение» человека от рутинности бытия и предоставлении ему безграничных возможностей самосовершенствования саморазвития, правда, без уточнения каких именно. Периферизация культуры в общественном сознании отчасти обусловлена мифологемами и информационным безбрежием, и его доступностью для потенциального пользователя и крайне упрощенным представлением об интернализации культуры, аккультурации и инкультурации.

Следует иметь в виду, что культурное наследие не интериоризируется само по себе посредством простого «прикосновения» или «погружения» в «информационные» и «кибер-облака» знаний. Информационные поля это всего лишь пространства знаков, которые необходимо наполнять значениями, в свою очередь, вплетенными в интер- и гипертекстуальность. Отсутствие такой вплетенности приводит к оскудению значений и смыслов, поверхностному, упрощенному представлению о мире внутри и вокруг нас. Свое выражение это находит и в сворачивании и упрощении пользовательского языка. Что мы и наблюдаем сегодня.

Для освоения знаний и углубления миропонимания необходима скрупулезная работа по его овладению, имплицитно предполагающая диалог автора с читателем посредством помещения текста в различные культурные контексты или хронотопы. Диалог предполагает наличие Другого и Другойности. Лишь с учетом интерпретации транслируемых текстов предполагаемыми Другими происходит формирование интерсубъективности и диалогичности [8], определяющих взаимопонимание, в свою очередь, лежащее в фундаменте социальности или бытия-в-мире-других-людей. Нет взаимопонимания – нет синхронного и скоординированного взаимодействия, отсутствие

которого приводит к разрушению культуры как таковой, т.к. она как раз и предполагает трансляцию взаимного опыта между поколениями. Таким образом культурное развитие предполагает взаиморазвитие, а не простое суммирование знаний между разрозненными ее представителями, т.е. культурно-диалогическую интердетерминацию.

Культурно-диалогическая интердетерминация представляет взаимодействие, основанное на безусловном принятии другойности (otherness) элементов гетерогенных (многоголосых=multivoiced) динамических систем, направленное на нахождение взаимоприемлемых структурно-содержательных оснований и форм (часто компромиссного характера), способствующих формированию совместно созданных, согласованных и внутренне принятых состояний гомеостазиса (интерсубъективности, интерэкзистенциальности, био-психо-социального баланса и т.п.), обеспечивающих оптимальное сосуществование в условиях конкретного социального и природного окружения в рамках локального (зона ближайшего развития) пространства и времени и более отдаленной жизненной перспективы (зона отдаленного развития).

Культурно-диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется в диалогической природе взаимодействия между элементами гетерогенной динамической системы, предполагающего диалогичность мышления, проявляющегося: во-первых, в безусловном принятии Другого, во-вторых, расширении горизонтов постижения, в-третьих, обретении нового качества взаимодействующими сторонами; в-четвертых, формировании общности, совместности (интерсубъективности, интерэкзистенциальности), способствующих взаимопониманию и скоординированному взаимодействию.

J. Salgado и J.W. Clegg различают четыре фундаментальных принципа диалогического мышления: “принципы относительности, динамизма, семиотической опосредованности, открытости, диалогичности и контекстуальности. Вместе эти принципы определяют рассмотрение психики не как изолированных гомункулов, не как бестелесного дискурса, а как временно уникального, активного созидателя, непрерывно снимающего, а не противостоящего, напряжение между индивидуальным и социальным, материальным и психологическим, множественным и унифицированным, стабильным и динамическим” [9]

Per Linell формулирует основополагающие принципы развития диалогизма: 1) рассмотрение человеческого мышления как системы созидания значений; 2) подчеркивание роли других в приобретении знания в процессе формирования интерсубъективности; 3) интерактивность (interactionism), проявляющаяся в том, что конструирование значений находится в прямой зависимости от взаимосвязей с другими; 4) контекстуальности, т.е. зависимости знания от контекста его обретения; 5) коммуникативного конструктивизма, проявляющегося в формировании реальности в процессе коммуникации с другими [10].

Благодаря интерсубъективности и интерэкзистенциальности становится возможным формирование разделяемых значений и переживаний, составляющих формирование той самой социальности, без наличия которой общество перестает быть таковым, трансформируясь в механическое единство обособленных особей гедонистического или устранившегося толка, организующихся и действующих по внешнему управлению той самой матрицы или Главноуправителя. За подобного рода хронотопами далеко ходить не надо, они актуализируются здесь-и-сейчас.

Альтернативу представляют именно диалогические отношения. Как отмечает И. Маркова, «Жизнь в мире других предполагает, что соавторы не только пытаются снять свои различия в коммуникации, но также признание друг друга как соавторов совместных идей; они спорят и борются за идеи; и они подтверждают свое участие в социальной реальности» [8, с. 249]. И далее: «Диалогичность подразумевает контракт:

отзывчивость и ответственность. Без говорящего не может быть слова – слова имеют свою историю. Не может быть слова без самого себя» [8, с. 258].

Заключение. Таким образом, погружаясь в социокультурный контекст Витебщины времен пребывания на ней М. Бахтина, можно сделать выводы о том, что он способствовал его творческим озарениям благодаря наличию: 1) сходства семиотического пространства сообщества (нельзя быть понятым не понимающими значений и смыслов сказанного); 2) диалогических взаимоотношений с окружающими (в диалоге с равными рождается истина); 3) экзистенциальной поддержке близкими, позволившей преодолеть обусловленные недугами страдания; 4) социальной востребованности продуктов интеллектуальной активности автора; 5) возможности материализации идей (публикации).

Список использованной литературы:

1. Янчук, В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания / В.А. Янчук // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: материалы юбилейной конференции: том 6 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская – Москва: Когито-Центр, 2017. – С. 297–331.
2. Янчук, В.А. Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия / В.А. Янчук // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 124–154.
3. Янчук В.А. Дезориентация в темпоральности и ее последствия для развития общества и человека: социокультурно-диалогическая интердетерминистская метаперспектива / В.А. Янчук // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20(3). – С. 136–152
4. Yanchuk, V. The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychological Knowledge / V. Yanchuk // Journal of Russian & East European Psychology. – 2018. – № 55(2-3). – С. 241–286.
5. Янчук, В.А. Выготский и культурный переворот в психологии / В.А. Янчук // В К. В. Богомаз С.Л., Психологический Vademecum: Витебщина Л.С. Выготского: сборник научных статей. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 21–33.
6. Balliet, D. Functional Interdependence Theory: An Evolutionary Account of Social Situations / D. Balliet, J.M. Tybur, P.A.M. Lange // Personality and Social Psychology Review. – 2017. – Vol. 2(4). P. 361–368.
7. Basto, I. Fluctuation in the Assimilation of Problematic Experiences: A Case Study of Dynamic Systems Analysis / I. Basto, W.B. Stiles, T. Bento, P. Pinheiro, I. Mendes, D. Rijo, J. Salgado // Frontiers in Psychology. – August 2018. – Vol. 9. – Article 1119. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/327043127>.
8. Markova, I. Constitution of the Self: Intersubjectivity and Dialogicality / I. Markova // Culture Psychology. – 2003. – Vol. 9(3). – P. 249–259.
9. Salgado J. Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology / J. Salgado, J.W. Clegg // Culture & Psychology. – 2011. – № 17(4). – 421–440.
10. Linell, P. Rethinking Language, Mind, and World Dialogically / P. Linell. – Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2009.

Фурманов И.А.

*БГУ, Республика Беларусь, г. Минск
Доктор психологических наук, профессор
fourmigor@gmail.com*

УДК 159.923 (316.47)

ВЛИЯНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ Я И ДРУГИХ НА КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕАКЦИИ НА РЕВНОСТЬ

Позитивная модель Я оказывает влияние на все типы интерактивных реакций на ревность, кроме дистрибутивной коммуникации и манипуляции; негативная модель Я –